

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 28

15 июня 1944 года

№ 28

428

содержание:

Об уме лошади — восьмая беседа старого казака с молодыми

★

Исторические очерки Дона (продолжение) — П. Н. Краснов

★

Таис (окончание) — Татьяна Левшина

★

Лбищенский рейд (окончание) — А. Погодаев

★

Кавказская линия — Е. Букреев

★

Методы борьбы с бандами
Казак — повесть Л. Агронова

★

Казачка — стихотворение П. Крюкова

Н-ской казачий полк на смотре со своим знаменем

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

Беседы старого казака с молодыми

Беседа восьмая Об уме лошади

Чтобы познать умное ли животное лошадь и насколько она умна, нужно наблюдать жизнь лошади вне влияния человека, на свободе, в своей лошадиной семье. К сожалению дикая лошадь (*equus Przewalskii*) табунами бродящая в степях Китайского Туркестана и в Монголии, а лет двести тому назад забегавшая даже в Задонскую степь, очень сторожка, чутка и не подпускает человека близко. Ее живую поймать нелегко. В неволе — она дика, неприступна и не поддается выезде.

Но за то можно наблюдать свободную жизнь конских табунов в лошадином царстве — в Задоньи. К востоку от низовьев Дона, в долинах мутных, медленно текущих речек Маныча, Егорлыка и Сала, где до последнего времени была целинная, не паханная степь, где чернозем постепенно сходит на нет и сменяется солончаком — более ста лет существует табунное коневодство на коннозаводческих заимках, так называемых «зимовниках». Три брата Корольковы, Подконаевы, два брата Яновы, Жеребковы, Кульгавовы, Пишвановы, калмыки Поповы и многие другие — казаки и не-казаки и калмыки широко повели дело разведения прекрасной, рослой, нарядной, сильной кавалерийской лошади. Перед Великой войной 55% ремонта русской кавалерии, т. е. ежегодно более 5000 лошадей, поставляла Задонская степь. И какого ремонта! Он вынес всю войну 1914—18 г. г., пронес бремя гражданской войны 1918—20 г. г. и те лошади, которые не погибли от руки большевиков в Новороссийске и на Северном Кавказе долго служили в конармии Буденного.

Там лошадь рождается, воспитывается и растет почти без надзора человека.

В начале нынешнего столетия кавалерийский офицер Василий Александрович Химец, впоследствии начальник кавалерийской школы в Петербурге, желая изучить лошадь, поставил калмыцкую кошмяную юрту на одном из участков степи и прожил в ней несколько недель, наблюдая жизнь лошади на воле. Вот, что он рассказывал:

— «На зимовнике, на каждого жеребца, полагается 16 кобылиц. Для попаса их дается «отвод» степи. Это несколько десятин ничем не отгороженных от соседних отводов. Неглубокая борозда, не канава, а скорее — межа, прочеркнутая плугом, ограничивает отвод. Внутри речка, став, или выкопанный водоем. Имеется и тенистое место у пристена балки; если балки нет — то растет где-нибудь несколько деревьев, а кругом — равнина, высокая весною трава — степь. Знойное солнце летом. Морозы и лютые вьюги и бураны зимой. Таков «дом», где рождается и воспитывается Задонская лошадь.

Жеребца приводят на отвод. Жеребец, по большей части английский, чистокровный, победитель на скачках в Москве, Петербурге, Харькове, Киеве, Ростове или Пятигорске. Иногда это высококровный англо-араб Государственных заводов, или заводов Браницких и других. Его обводят несколько раз вдоль межи. Как-бы говорят ему: — «это твоя усадьба». К нему пускают косяк кобыл.

Он скоро осваивается со своими наложницами. Их у него — шестнадцать, но жена у него одна. Он сам ее избирает. Он следит, бережет и пасет их всех, но любит одну. Только с одной и той же его можно видеть задумчиво стоящим, положивши морду ей на холку. Он ей и она ему лижут шею. Ей он выбирает лучшее место в тени и на водопое.

Точно в определенное время — можно хотя бы часы проверять — жеребец гонит кобыл на водопой. Он следит, чтобы ни одна кобылица не отстала и нагоняет зазевавшуюся, прижав назад уши и ощерив зубы. Он смотрит, чтобы все во время напились. Когда солнце поднимется и наступит жара, жеребец ведет косяк в тень и там «на холодке», у пристенка, или под деревьями, предается со своими кобылицами ленивой дреме.

Горе той кобылице, которая, шая и резвясь, вздумает перебежать между отвода. Жеребец помчится за ней и прогонит обратно, хватая ее больно зубами.

Также не пустит он на свой отвод и ни одну чужую лошадь из соседних косяков. Вот бродят они в траве почти рядом, но как только кто-нибудь перешел между — начинается расправа. Иногда между соседними жеребцами происходят страшные драки из-за нарушения границ.

Хозяина и табунщика — казака или калмыка, — жеребец пустит, но посторонних примет и зубами и копытами.

Кто учил его этому? Кто привил ему и эти знания, и заботливость о данных ему кобылах, и чувство времени и понимание значения водопоя во время, тени в знойный полдень?

Вы говорите: инстинкт. — А что такое инстинкт? Где грань между инстинктом и умом? — Где рубеж между подсознательным и сознательным?

Внимательное изучение жизни лошади на воле приводит к выводу, что лошадь — животное, обладающее большим умом.

В пеголе — чем ближе, теснее живет лошадь с человеком — тем легче проявляется ее ум.

Наиболее способной к тонкой «высшей» школе езды, к цирковым фокус-покусам считается арабская лошадь. Да ведь она веками живет в семье своего хозяина-араба. Она не расстается с ним. Ее место подле арабской палатки, или дома. Она слушает песни хозяина и слушает его речь. Она с ним очеловечивается.

В казачьей семье, где в прежние времена мальчику казаку загодя готовили строевого коня, где жеребенок возрастал в казачьей семье — лошадь была умна. Я знал казачьих лошадей, на которых мог ездить только хозяин. Чужих и к седлу не подпустит.

Лошадь взята из казачьего куреня на службу. Она тоскует по дому не менее, чем ее хозяин. Она едет в товарном вагоне в Москву. Но вот поезд замедлил ход. Ночь. Спят казаки. Лошадь скидывает недоуздок, подлезает под бревно и прыгает из вагона. — Ну — пропала... А через месяц письмо в полк «из дома» — «наш Коська домой прибежал... Так что заржал как нас увидал... Ну и худой стал»...

Как без карт и без планов нашла она дом? Как

укрывалась от людей? Значит шла почками, а днем где то хоронилась.

Так что-же это, как не совсем особый лошадиный ум, от Бога ей данный. Это не на задних лапках стоять, не поноску носить, но это совсем особый тонкий лошадиный ум, который и делает лошадь таким совершенным и незаменимым товарищем казака на работе и на военной службе.

Ранней весной, когда еще холодно в степи и только начинает подниматься молодая травка — идет выжереб Задонских кобыл. Со своими сосунками пасутся кобылы в степи, стынут холодными ночами. Каждая мать по своему, коротким кобыльим ржаньем зовет своего жеребенка и каждый жеребенок знает голос матери.

В конце апреля и мае пышно поднимаются травы в степи, пестрым ковром цветов покрывается Задонская степь. Отъедаются кобылицы; трава чистит их лучше всякой щетки. Шерсть блестит шелком. Тугим становится темное вымя. Сытые жеребята резвятся и куролесят в степи. И матерям и жеребцу много хлопот с ними. Им нужно набираться сил. Впереди — суровая зима.

С началом холодов жеребца уведут в теплую конюшню, поставят на овес. Кобылицы и молодежь останутся в степи. Сухие, потоптанные травы. Зимой нужно копытами разбивать снежный и ледяной покров и выгрызать из земли остатки мерзлых трав. Разве, что уже очень суровая будет зима — подвезет коннозаводчик сено и положит на высоких яслях — а то всю зиму — на подножном корму, то есть почти без корма.

Когда задует с северо-востока сибирский буря, весь табун становится головами на ветер, чтобы ветром пригнуло шерсть к телу и лучше грело. Стоят плотно, согревая теплом друг друга.

А летом в знойные ветры станут хвостами к ветру, чтобы ветром отдувало шерсть от кожи, приподнимало ее и охлаждало...

Да, конечно инстинкт... Но, как мало мы знаем о тех, кто живет с нами и верно нам служит — о лошадях и собаках. В своем людском самомнении мы не хотим признать за ними даже права на ум. А между тем...

Четыре суровых года в степи, на воле, повинуюсь зову матери, окрику табунщика, голосу матери-земли.

В конце четвертого года, под осень, в ожидании приезда ремонтной комиссии, молодежь отберут — она уже на втором году отобрана — кобылки отдельно, выхолощенные жеребчики отдельно, начнут приучать к людям, наденут на головы мягкие недоуздки, станут опоаживать, кормить с руки овсом.

Осенью приедет ремонтная комиссия, заберет молодежь, погонят ее — или к Ростову, или на станцию Ремонтную, или Великокняжескую, погрузят в вагоны, повезут в запасные кавалерийские полки.

Военная служба лошади начинается.

Проявит ли и здесь лошадь свой ум, понимание человека и преданность ему?

Старый казак

Исторические очерки Дона

Часть вторая

(Продолжение*)

XXXI.

Переход Русской армии через границу. Император Александр принимает командование армией. Пруссия переходит на сторону России. Донские казаки в Берлине. Сражение под Люценом 20 апреля 1813 года. Перемирие. Пополнение армии.

1 декабря 1812 года остатки Наполеоновской армии в числе 20.000 человек перешли Неман. Командовавший ими король Неаполитанский расположился в деревне Скрауце. Русские авангарды генерал-майора графа О'Рурка и генерала графа Платова выдвинулись к деревне Жижморам. Адмирал Чичагов занял Вильну. Туда же вскоре прибыла Императорская главная квартира с Императором Александром.

Старый Кутузов не сочувствовал заграничному походу. Он считал, что для России не было смысла продолжать войну вне ее пределов. Но сместить главнокомандующего, устранить и заменить другим генералом Кутузова, изгнавшего «двенадцать языков» из России было неудобным. Приезд императора и принятие им на себя командования армией устраняло это неудобство.

1 января 1813 года Император Александр перешел за армией через Неман и вступил в пределы Пруссии.

Армия Наполеона, составленная из двадцати различных народностей держалась насильем над одними, обаянием имени Наполеона над другими. Не могли Наполеону служить пруссаки, так много перетерпевшие от французов в 1807 году и ненавидящие Наполеона. В Пруссии к этому времени было сильно народное освободительное движение. Как только выяснилась слабость Наполеона и его поражение в России, Пруссия отошла от насильственного союза с Францией. Прусский корпус генерала Йорка перешел на сторону Императора Александра. Русских в прусских городах и селениях встречали, как освободителей. Особенно же приветливы и гасковы были жи-

тели к Донским казакам, кого пруссаки успели полюбить в 1807 году.

Граф Платов в начале заграничного похода был отозван в главную квартиру Александра и донские полки распределены по корпусам. Где только за этот год не пришлось перебивать казакам в Пруссии! Они проходили длинными колоннами через приморский Гамбург; художник Христиан Зур нарисовал их с пиками у бедра, когда они шли через Данциг. Как только узнавали казаки, что в каком нибудь городе еще остались французские гарнизоны — они спешили туда и бывали случаи, что укрепленные городки сдавались одной, двум сотням казаков.

В холодные февральские дни Русский генерал Чернышев составил летучий отряд из шести казачьих полков, шести эскадронов гусар и драгун и с ними пошел к столице Прусского королевства Берлину. В Берлине стоял значительный отряд из пехоты, конницы и артиллерии. Чернышев отдал приказ подходить к городу с большою осторожностью и занимать его постепенно, улица за улицею. Предполагалась только разведка о силах французов в Берлине.

Когда Донской казачий полк Киселева подходил к городским воротам, из Берлина выехало около тридцати конных французов. Казаки с места в карьер стремительно бросились на них, вогнали их обратно в город и вскочили в ворота. За полком Киселева в Берлин вошел полк Власова, а за ним и Чернышев. Казаки помчались по улицам Берлина и доскакали до реки Шпрее. Все мосты через Шпрее, кроме одного каменного, были французами сломаны. За каменным мостом стояла французская батарея из шести пушек. Пехота рассыпалась вдоль набережной и встретила огнем казаков. Под выстрелами батареи и пехотным огнем казаки прошли по всему городу, наведя ужас на французский отряд. На главной улице Берлина «Под липами» казаки остановились на обед. Здесь нарисовал их под голыми деревьями художник Л. Виттих, у костра, разложенного на улице. К вечеру, по приказу Чернышева, отряд оставил Берлин. Ушел и французский гарнизон,

*) См. №№ 17-27 «На Каз. Посту».

почувствовавший себя в опасности в городе, куда так просто проникли казаки.

В марте для охраны Берлина от французов прибыл в город Атаманский полк. Пройдя весь поход от Вильны до Москвы и от Москвы до Берлина атаманцы совершенно сохранили форменное обмундирование. Во французских мундирах, в крестьянских зипунах и полушубках, изорванных, загрязненных, пробитых пулями, разорванных штыками, с полами, обожженными огнем бивачных костров атаманцы имели «боевой», но далеко не нарядный вид. Героические кресты на груди, да исхудалые, обросшими бородами лица показывали жителям, что эти люди не даром износили свое обмундирование. Их командир, подполковник граф Иван Матвеевич Платов, сын атамана, имел разрешение полку перейти в Дрезден, где для полка было заказано синее и голубое сукно; но французская армия перешла в наступление и нужно было раньше отогнать ее от Дрездена. Атаманский полк получил приказание войти в состав немецкой армии генерала Блюхера.

За время с ноября 1812 по апрель 1813 гг. Наполеон с необычайной быстротой собрал новую армию из молодых французов. Армия эта под начальством маршала Нея обрушилась на полки Блюхера. 20 апреля произошло сражение под Люценом.

Немцы захватили у французов зарядные ящики, но увести их сразу не смогли: на пути протекал болотистый ручей Флосс-Грабен. Сотня Атаманского полка есаула Кутейникова, спешившись, залегла по берегу ручья и огнем из ружей поддерживала немцев. Увидев затруднения немцев у ручья, французская пехота пошла на них в атаку и стала отбирать обратно ящики.

Командир полка, подполковник граф Платов, командовал остальными сотнями:

— Атаманцы! По коням! Вперед! За мной!

Атаманцы поскакали за командиром в ручей. Лошади увязли по брюхо в болоте. Кое кому пришлось спешиться и переводить своего коня в поводу. Когда полк переправился через Флосс-Грабен, пехота Нея овладела ящиками и подходила к русской батарее Никитина, расстреливавшей последние снаряды.

Подполковник граф Платов, войсковой старшина Табуницков, есаул Процыков и сотники Балабин, Арканарин и Свиридов во главе своих сотен бросились на французов, опрокинули их и гнали, преследуя до глубокой ночи. Более ста человек из полка полегло в этой стремительной атаке; четверть полка погибло, выручая немцев под Люценом.

Немецкая и Русская армии отошли.

Атаманцы продолжали оставаться при армии Блюхера. В сражении 14 мая урядник Атаманского полка Антон Александринин состоял ординарцем при главнокомандующем генерале Блюхере. Александринин умел немного по немецки. Во время сражения он увидел, что часть французской артиллерии стоит на голом поле без прикрытия. Но нигде не было ни одного свободного взвода кавалерии. Александринин покавал другим ординарцам на батарею и сказал:

— Камрады! Возьмем пушку! За мной!

Немецкие кирасиры и конно-егеря сразу поняли в чем дело. Ординарцы и вестовые понеслись за сметливым и смелым атаманцем.

У первого орудия Александринин с полного скака лошади спрыгнул с коня. Был Александринин огромного роста, имел бороду до пояса. Он кинулся на французскую прислугу. Испуганные французы разбежались. Александринин вытянул из выюка веревку-фуражирку и привязал ее к пушке.

Бери, камрады! — крикнул он и бросил веревку немцам. Те под выстрелами опомнившейся французской пехоты, бежавшей на выручку, примчали пушку к Блюхеру.

— Прошу простить, ваше превосходительство, — сказал он генералу, не мог выдержать!

Об этом подвиге урядника Александринина Блюхер написал Императору Александру и просил того о награждении урядника офицерским чином...

Казалось, военное счастье возвращается к Наполеону: под Люценом, у союзников, была неудача; Русско-Прусская армия отошла от Дрездена; у Бауцена и Вюршена французы имели успех.

Но Наполеон упорно искал мира.

1 мая русский генерал Шувалов и прусский генерал Йорк поехали на аванпосты французского корпуса Ренье для переговоров. Император Александр не пошел на мир, но согласился на то, чтобы 28 мая в Плессвице генерал Барклай-де-Толли и маршал Бертье подписали соглашение о перемирии на шесть недель.

Эта передышка была необходима Наполеону. Не менее того она была нужна и союзникам.

За это время с Дона подошли пополнения. Атаманский полк был развернут в десять сотен и имел 780 казаков, в других полках число казаков было доведено до четырех-пятисот.

Чрезвычайным напряжением всей Франции Наполеон собрал к осени армию в 157.000 человек и подошел к Лейпцигу. Русско-пруско-австрийская армия насчитывала к этому времени почти 300.000. К ней с севера шла еще Русско-шведско-прусская северная армия короля шведского, француза Бернадота.

Союзные войска окружали французскую армию Наполеона под Лейпцигом.

XXXII.

Лейпцигская «битва народов». Подвиг Лейб гвардии Казачьего полка 4 октября 1813 года.

История назвала сражение под Лейпцигом 4, 5 и 6 октября «битвою народов». После Бородинского сражения это было самое большое сражение, данное Наполеоном.

Под Бородином тоже была «битва народов». «Дванадцать языков» армии Наполеона обрушились на Русскую армию Кутузова. Но какая разница: Бородино и Лейпциг!

У Бородина опьяненные успехом ряда победоносных войн, верящие в гений Наполеона, жаждущие в таинственной Москве грабежа и большой добычи, разноплеменные полчища Наполеона шли в бой с уверенностью в победе. В них не было разложения и измены. Победы одержать они не смогли.

Под Лейпцигом вчерашние союзники Наполеона перешли к Александру. Веры в гений Наполеона больше не было. Император Франц, тесть Наполеона, был в стане врагов: пруссаки открыто шли против Наполеона. Росло в войсках французских сознание несокрушимости союзных войск. В них были дружба и согласие. В стане Наполеона не проходил страх перед казаками. Наполеону приходилось учитывать и то, кто и когда ему изменит...

В таком громадном сражении, каким была Лейпцигская «битва народов», действия казаков были незначительны. В ней Лейб гвардии Казачий полк вписал на страницы истории Донского войска блестящий свой подвиг и покрыл славой свой штандарт, стяжав родному войску мировую славу.

В первый день сражения, 4 октября, Император Александр с австрийским императором Францем, с королем Прусским, с многочисленной свитой, в сопровождении 4 эскадронов Лейб Казачьего полка выехал на холм у деревни Госсы, откуда было видно все поле под Лейпцигом.

Было сумрачное, холодное, осеннее утро. Лейб казаки стали на холме у берега болотистого ручья.

Сражение началось артиллерийским состязанием. Сотни орудий гремели с обеих сторон и пеленою дыма затягивалась унылая полоса осенних полей за городом. С музыкой и развернутыми знаменами трюнили пехотные русские полки графа Витгенштейна и австрийские полки генерала Клейнау. Они дошли до холмов, занятых французами. Поражаемые здесь артиллерийским и ружейным огнем они отошли и начался затяжной пехотный бой.

Казачьи полки графа Платова стояли без дела у деревни Зейфертсхайна.

Бой с переменным успехом шел весь день. Ранние октябрьские сумерки приближались. Наполеон, как он всегда это делал в больших сражениях, решил получить победу атакой тяжелой кавалерии. Она должна была смести и уничтожить потрясенные целодневным боем, утомленные и понесшие большие потери полки союзников. Он приказал Неаполитанскому королю Мюрату лично повести в атаку кирасирский корпус Латур-Мобура. Восемь тысяч всадников, закованных в стальные доспехи, в касках, с тяжелыми палашами в руках, на рослых и сильных лошадях были двинуты им из глубокого резерва в атаку на Русские полки. Батальон Кременчугского пехотного полка, построивший «карре» навстречу грозной атаке, был уничтожен до последнего человека. В артиллерийской роте графа Аракчеева прислуга была изрублена и орудия взяты французами. Стремительным и грозным потоком кирасирский корпус прорвал линии 2-го пехотного корпуса и внезапно показался у деревни Госсы. Правое крыло кирасир должно было захватить ту горку, где стояли Император и король.

Александр потребовал к себе командира Лейб гвардии Казачьего полка генерал-майора графа Орлова-Денисова и приказал ему направить навстречу кирасирам легкую гвардейскую кавалерийскую дивизию генерала Шевича, гусар, улан и драгун и прусскую кавалерию — драгунские и кирасирские полки. Должно было произойти столкновение двух огромных конных масс. Тяжелый топот конских ног становился

слышнее и слышнее. И было видно, что линии союзных полков короче линии французских кирасир.

— Полковника Ефремова к Его Величеству! — раздалось в рядах Лейб Казачьего полка.

Ефремов, старший после командира полка полковник, поскакал на вороном коне к Государю. Он сейчас же и вернулся.

— Полк! — скомандовал он, — отделениями по четыре заезжай! Рысью. Ма-а-арш! За мной!

Ефремов поскакал к ручью.

Кто попал на узкую плотину — тот сразу проскочил, но, кто пошел в болотистый ручей — загруз. Эскадроны смешались. Лошади увязали по брюхо, всадники соскакивали с них, чтобы помочь лошади выскочить из болота. Эскадроны перемешались.

— Пош-шел! — грозно крикнул кто-то в рядах.

Звонко щелкнули плети по мокрым бокам коней. Первый эскадрон вынесся на поле и привычно построил фронт.

— Эскадрон! Благословляю, — крикнул Ефремов, ожидавший полк и показал саблей на несущуюся к Гессе кирасирскую дивизию.

Лейб казаки выходили ей во фланг. Кирасиры были близко. Склонились алые пики «к атаке»; эскадрон за эскадронами в грозном молчании во весь скок сильных казачьих коней ударил кирасирам. Все смешалось. Топот коней, рев людей, остервенелых в рубке, удары пикой под каски, крики о пощаде французам. Это продолжалось несколько мгновений. Кирасиры смешались и повернули назад. Русская и прусская конница бросилась их преследовать. Лейб казаки отбили захваченные кирасирами орудия и гнали французам до самой главной их позиции, где попали под орудийный и ружейный огонь и были остановлены.

Звонко звучали трубные сигналы, призывавшие лейб казаков обратно. Ординарец потребовал полковника Ефремова к Государю. Полк стал на свое место за холмом у деревни Госсы. Никто не слезал с запотевших, тяжело поводящих боками коней. Ждали Ефремова. «Что сказал Государь? Как он? Доволен-ли?» Ефремов показался на холме. Он скакал к полку и на его шее блистал белый Георгиевский крест, навешенный на него Государем. Казаки притихли.

— Друзья! — с одушевлением крикнул полку Ефремов, — Государь благодарит всех вас за ваш нынешний славный подвиг. Он сказал сейчас, что отменно доволен вами! Его Величество благодарит Бога, что из столь страшного боя вы возвратились со столь малою потерей. Он молит Бога, чтобы и в будущих ваших подвигах вы были бы так же счастливы, как сегодня.

В атаке были убиты полковник Чеботарев и 18 казаков и ранены поручики Орлов 2 и Безкровный, корнет Николаев и 11 казаков...

Конная атака кирасир — последнее средство выиграть сражение 4 августа — была опрокинута. Французская история отметила громадную помощь, оказанную лейб казаками в этом сражении. В ней написано: ... «центр союзников должен был быть прорван и сражение союзниками решительно проиграно. При известии об этой опасности Император приказал гвардейскому казачьему полку, состоявшему его конвой, атаковать. Эта горсть, воодушевленных присутствием их Государя, совершила чудеса храбрости. Кавалерия Неаполитанского короля была опрокинута и казаки взяли обратно 24 орудия из двадцати шести, только что захваченных ею...»

В память этой атаки в 1832 году был установлен полковой праздник Лейб Казачьего полка на 4 октября, день св. Ерофея. В 1913 году ко дню столетия «битвы народов» с разрешения Германского правительства в Лейпциге был сооружен Русскими богатый и красивый храм-памятник, где было собрано все, что напоминает о братском содружестве двух великих народов во время войны с Наполеоном за свободу Европы.

XXXIII.

Поход во Францию. Тяжелая зима 1813—1814 годов. Взятие Платовым укрепленного города Намюра. Донцы в сражении у Краона. Под Парижем. Вступление союзных войск в Париж 19 марта 1814 года. Мир. Приказ Платова Атаманскому полку. Высочайшая грамота Войску Донскому.

Проигранное Наполеоном сражение 4 октября продолжалось 5 и 6 октября. К союзникам подошел с севера Русско-прусско-шведский корпус шведского короля — французам Бернадота. Саксонский корпус генерала Ренье и вюртембергская конница генерала Нормана перешли на сторону Бернадота. Лейпцигское сражение для Наполеона кончилось полным по-

Казаки в 1814 г. в Париже

С акварели Опица

ражением. Около трети армии Наполеона осталось на полях под Лейпцигом. Наполеон был принужден отступить за Рейн, во Францию.

Атаман граф Платов был снова поставлен во главе казачьего корпуса и ему было поручено преследование Наполеоновских войск. Донцы вошли во Францию. Там стояла гнилая зима. Проливные дожди сменялись морозами, потом вдруг становилось тепло, все оттаивало — была грязь и сырость и снова туманы и мороз. Каменные города и деревни, где мало было сараев и конюшен не давали хороших ночлегов для казаков и их коней. Приходилось становиться биваками под открытым небом на холодном дожде и ветру. Вспоминая эту французскую зиму сложили казаки песню:

... «На рынке то было, на рыночке,
На желтьемком песочке
Там сидят два братца родимые,
Сидят то ружья чистят,
Из ружейца ржаву вычищают,
Французскую сторону проклинаят:
Французская зима — она студеная.
Перевела много казачьих полков,
Познобила она табун коней.
Жаль то мне, жаль одну лошадь:
Как по гребню эта лошадь пробегала,
Копытом она огонь вырубала,
Волновитым хвостом огонь раздувала...»

Странная то была война. Странное преследование. То конные полки Платова с налета брали хорошо укрепленные города с каменными стенами и башнями, то вдруг Русская армия встречала жесточайшее сопротивление и должна была вести большие и кровопролитные сражения.

(Продолжение следует.)

П. Краснов.

Т а с

Окончание*)

VII. Финал.

Понятно, всего этого я еще не знала, когда семнадцатого утра Тася прислала за мной Лидку. Я пошла к ней. Она лежала в постели, осунувшаяся, с провалившимися глазами.

— Что с тобой, Тася? Больна?

— Больна, — сказала она.

Губы ее были сухи и потрескались. Я пощупала ее лоб. Жара у нее не было.

— Остань, — отстранилась она от моей руки. — Я что тебя попрошу: сходи ты к Вилли, скажи ему, что я больна, пускай ко мне зайдет. Мне с ним поговорить надо.

Я отправилась в школу. Уже не раз я бывала там. Вилли всегда приветливо встречал меня, и я уверенной рукой отворила дверь — и сразу увидела, что явилась не во время. Запах карболки стоял в комнате, обер-лейтенант, с которым я не знакома, мыл руки в большом тазу, стоящем на полу. Вилли держал мыло и полотенце. Оба оглянулись на меня.

— А, это вы, — сказал Вилли.

Он познакомил меня с краснолицым, некрасивым офицером. Тот спросил меня, как я попала в село и что тут делаю. Я коротко объяснила свое положение. Он сказал:

— Наша переводчица на днях уезжает. Вы бы очень помогли нам, если бы заняли ее место. Впрочем, это уже не я буду решать, мы передаем комендатуру танкистам.

За окном зашумела грузовая машина, останавливаясь у окна школы. Обер-лейтенант выглянул в окно, коротко простился и вышел. Вилли пошел за ним. Я задержала его, чтобы передать поручение Таси.

— Не знаю, не знаю, — ответил он. — Видно, что у нас делается. Можно послать к ней нашего санитаря.

— А где Макс?

Он пожал плечами.

— Был там, где теперь — неизвестно. Среди убитых нет. Боюсь, что с собой взяли. Извините, мне надо идти.

Я вышла во двор. Группа украинцев-солдат стояла у окна склада, ожидая раздачи пайка. Мой знакомый, тот шофер-самарец, который первым из германских солдат заговорил с Тасей, стоял там-же.

— Что здесь происходит? — спросила я его.

— Беда, — сказал он. — наших убитых привезли из Борисовки, сейчас вторая машина пришла. В школьной зале лежат. Дурно побиты, смотреть страшно.

Зеленые ветви загораживали окна залы, видно, превращенной в часовню. У двери стоял часовой в шлеме. Я медленно вышла из ворот и остановилась у забора, притягиваемая тем несокрушимым чувством, которое сильнее магнита держит человека около всяких катастроф.

Дверь школы отворилась и обер-лейтенант вышел в сопровождении фельдфебеля и еще двух унтер-офицеров. Его лицо было багрово, кулаки сжаты, он быстро говорил что-то. Увидя украинцев, с ожиданием и страхом глядевших на него, он пошел к ним.

— Вы понимаете по немецки, переведите им, — крикнул он мне.

Солдаты окружили офицера, я подошла поближе.

— Скажите им: если есть среди вас мерзавцы, которые в красной армии такие вещи выделывали — вон из моей компании! Я таким людям не начальник!

Украинцы переглянулись, отрицание было на всех лицах. Офицер кричал, все более разгораясь и, видимо, нестерпимо страдая:

— Войну надо честно вести, рыцарски! Солдат пулей и штыком дерется против солдата. А истязать обезоруженного — это, это... этому имени нет!

Он пошел было, но тотчас вернулся, потрясая над головой сжатыми кулаками.

— Пойдемте, г-н обер-лейтенант, успокойтесь, — заговорил подошедший фельдфебель.

— Пойдемте, т-н обер-лейтенант, успокойтесь, — заговорил подошедший фельдфебель.

Он не слушал.

— Что я их семьям напишу? Ведь это все люди по сорок-сорок пять лет, отцы семейств. Я даже не могу напи-

сать женам, что их мужья пали смертью храбрых: их, как собак, убили.

Он всхлинул. Фельдфебель взял его под руку, он дал, наконец, увести себя. Я передала украинцам слова их начальника — они и так почти все поняли — и пошла по селу, куда глаза глядят. В степь выйти в эти дни не разрешалось. Что-то невероятное творилось у меня в душе. Тяжелый, мучительный стыд за свой народ, дошедший до такого падения; ненависть против тех, кто развратил его, кто лишил его не только материального благосостояния, но и тех высоких душевных качеств, которые неконч считались ему свойственными; изумление, почти восторг перед тем, что кричал, себя не помня этот офицер, ничем не замечательный, вероятно, самый средний из средних. Честь! Рыцарство! Вот, чего он требовал от своих солдат, вот, чему учили в этой армии, вот, как они ждали вести войну! И это была не в кабинете написанная пропагандистская статья, не митинговая речь, не плакат, густо намазанный одной краской, а живое, неподготовленное и ни на какого зрителя не рассчитанное событие. Судьба поставила меня его свидетелем и сразу дала ответ на многие недоуменные вопросы.

На другое утро день был серый, холодный, ледяной ветер дул из широкой степи — все село было собрано на широкой улице между школой и волостным правлением. Народ был построен покоем — отдельно мужчины, женщины, подростки. В свободном конце стоял стол и два стула. Ожидать пришлось довольно долго.

— Пойдем, Федоровна, там во дворе школы побитые лежат, — сказала Даша.

— Разве пускают?

— Пускают. Только я одна боюсь.

Мы пошли. Убитые лежали на разостланом сухом камыше. Я взглянула. Описать этого нельзя.

Женщины — наши милые русские женщины — проходили и стояли около мертвых; матери плакали над чужими сыновьями. Ужас и глубокое недоумение были на всех лицах. Кто мог это сделать?

Подошел Василий Иванович с тем-же вопросом в глазах.

— Неужели это наши бойцы сделали?

— Кто их знает! Оно, конечно, если комиссар наган в затылок наставит...

— Да чорт с ним, перай бы стрелял! — неожиданно сказала всегда осторожная Даша. — Один конец.

— Да, знаешь, как одного хлопнут, другого хлопнут, третий, смотришь, и согласишься.

— Ты то бы согласишься?

— Не знаю, я в таких переделках не бывал, за себя говорить не буду. А только скверно.

В толпе на улице началось движение. Мы пошли по местам.

— Если в плен брать нельзя — дай пулю, — сказал еще вполголоса Василий Иванович. — Расстрелять — дело простое: перевернул затвором и пошел. А это...

Обер-лейтенант, переводчица — молодая немка из Краснодара, староста и сельский писарь вышли к столу.

— Сейчас пулеметы выкатят, да нас всех и перебьют, — шепнула Даша.

— И поделом бы, — ответила я.

Такой мрак был у меня в душе, что смерть я приняла бы, как искупление.

Обер-лейтенант сказал короткую и резкую речь, в которой указал, что без поддержки со стороны какой-то части населения не мог бы совершиться этот падеж. Поэтому население предупреждалось о том, что за малейшее проявление партизанской деятельности отвечать, и отвечать тяжело будет все село в целом. Затем принимались известные меры предосторожности, в смысле ограничения свободы передвижения из села в село, хождения по улицам после наступления темноты и т. п. До сих пор жили совершенно свободно. Переводчица, страшно волнуясь, повторила все это по-русски. В заключение писарь срывающимся голосом вызвал по списку четырнадцать человек, в том числе Царию — его не оказалось — и двух женщин, жен красных командиров. Одна из них была Тасина приятельница Нюра. Их окружили и увели вооруженные солдаты. Все эти люди просидели несколько времени под арестом и затем были выпущены, но считались залож-

*) См. №№ 22—26 «На Каз. Посту».

никами. В тот момент этого, понятно, не знали и с ужасом смотрели на странно спокойных людей, уходивших в неизвестное.

В этот же день на краю села было расстреляно тринадцать человек, арестованных ранее. Это были частью коммунисты, частью какие то бродяги, неизвестно как оказавшиеся в селе.

Этим все ограничилось. Спровоцировать жестокие репрессии и этим озлобить народ против немцев партизанам не удалось.

Не заходя домой, я пошла к бабушке. Бедный старик знал уже все — и плакал, когда я отворила дверь. Я хотела сейчас же уйти, но он позвал меня.

— Иди, иди, детка, хорошо, что ты пришла.

Он отер глаза большим пестрым платком.

— Ах, что наделали, что наделали, — сказал он с тяжелым вздохом.

— Бабушка, я потерялась, я ничего не понимаю. Что же это такое? Это наши люди такие дела творят? Я... Не знаю, верно очень грешно так думать, но я готова стыдиться, что я — русская...

— Что ты, что ты, детка, Бог с тобой, — заговорил он. — И не думай, и думать не смей. Ты тех извергов видишь, а другого не видишь?

— Не вижу, нет ничего.

— Как это ничего? А та женщина, что офицера спасла, это ничего, по твоему? Ты знаешь, на что она шла? Ты вот судишь, а сама бы сделала то, что она? Ведь с нее с живой кожу бы содрали, кабы узнали.

Он задумался. Я молчала и ожидала, что он еще скажет. Какой то свет начинал брезжить в моем тяжком сумраке. Он снова начал:

— Ты говоришь — народа своего стыдишься. А знаешь ты его? Вот ты в городах жила, театры, спектакли там всякие видела, книг много прочла. Знаю, знаю, и в городах вам много горького хлебнуть пришлось. А как мы тут по селам глухим живем — этого вы там и не знаете. И приезжаете вы к нам, ровно иностранцы какие, одно что нибудь увидите — и думаете: вот он, народ, значит, какой?

— Бабушка, да картина то очень уж яркая! Ведь это не один человек делал, ясно же.

— Да, не один. И много у нас таких несчастных, которых на страшное дело толкнуть нетрудно. Все больше молодежь бедная. Так ведь ее как воспитывали? Бога нет, греха нет, стыда нет, отец-мать — старые дураки, а ты сам читать выучился, значит уже во какой премудрый. Вот и ходит такой ферт, чуб в поларшина, ума с полвершка, а совести и вовсе нет. Откуда ей быть, когда ее с малы лет глушили? Посмотри ты ему в глаза: ведь пустые, как есть пустые.

— Ну, вот, значит и выходит, что погибший народ.

— Нет, не выходит, — твердо возразил бабушка. Слезы его просохли, улыбка просветила на его лице. — Ты не думай, я на чудо не буду рассчитывать, чудо в воле Божией, а только кроме ихней школы еще другая школа есть: жизнь, детка, великая учительница. Теперь вот война. Скольким она глаза открыла, сколько лжи развеяла. Только что дорого за эту науку платить приходится...

Он замолчал. Я собралась уходить.

— Постой, детка, я тебя попросить хочу. Достань ты мне имена великомучеников этих, я их себе в поминовение положу, да и панахиду отслужить надо. Это меня уж сколько народу просило.

— А обер-лейтенант сказал при мне, что их как собак убили.

— Это он с горя, — мягко заметил бабушка, — а сам, поди, хорошо знает, что приняли его бедные камарады кончину мученическую... И будет их кровь праведная в жертву Господу и за их народ, и за наш — на нашей земле пролита...

Слезы сдавили мне горло. Я пообещала бабушке исполнить его просьбу — и сделала это. Список в двадцать немецких и одно русское имя и теперь цел у меня.

Прошло четыре дня. Убитых отвезли в город и там похоронили. Село, подавленное небывалой катастрофой, начинало снова оживать. Тася оправилась и ходила на работу. С Вилли она так и не поговорила, решимость оставила ее. Ей казалось теперь, что говорить ей и не о чем. Как всегда, после обеда она пошла домой. По дороге ее встретил татарченек Мустафа.

— Тетя, вам Ваню велел сейчас к нему идти в сторожку, — сказал он.

Тася быстро оглянулась по сторонам. Никого не было.

— Ваню? Где ты его видал?

— Внизу, в садах. Я спал, он пришел и велел.

Тася простояла в нерешительности. Ветер нес пыль по улице и трепал ее волосы, выбившиеся из под платка.

— Только он такой страшный, небритый, — тихо сказал мальчик.

— Пойду, — сказала Тася.

Татарченек посмотрел ей вслед, потом свиснул и отправился к солдатам.

В сторожке Цхария не оказалось. Тася заглянула туда и остановилась, не зная, что дальше предпринять. Вдруг грузин вышел из кустов.

— Пойдем, — сказал он.

Они пошли в глубину садов, вдаль от проезжей дороги. Сердце Таси то замирало, то сильно и больно билось где то у самого горла. Цхария остановился на маленькой полянке, со всех сторон загороженной кустами. Дальше тянулись целые заросли чертополоха.

— Значит — так? — спросил Цхария.

— Так, — твердо ответила Тася.

Она посмотрела кругом. Полянка была чем то знакома.

— Не оглядывайся, никто не придет. Конец.

— Я не боюсь.

Она разстегнула и обросила черную жакетку.

— Ну, скорее. Или надеваться будешь, как в Борисовке?

Его передернуло. Тася закричала:

— Ты был там? Был?

Он вырвал из кармана наган. Тася бросилась от него. Пуля пружина хлопнула ее между лопатками. Она споткнулась и повалилась лицом в колючие кусты, обрывая цепкие плети ежевики. Он, не глядя, разрядил в нее остальные патроны, швырнул наган в кусты и ушел напролом через высокий, выше человеческого роста репейник, оставляя клочья одежды.

Убийство было обнаружено очень скоро, в тот же день. Наши девушки ходили в сады за ежевикой и уже выбирались на дорогу, чтобы идти домой, когда собака, бывшая с ними, вдруг завывала и побежала куда то в кусты.

— Что там такое? Глядите, белется что то.

Девушки осторожно подошли поближе и остановились на полянке, с ужасом глядя на лежащую.

— Да это Таська, — пробормотала одна из них, узнавая неповажное кровью и землей белое платье с оборочками.

Дрожа и плача, прибежали девушки в село и рассказали о страшной находке. Была организована погоня. Следы вели к Куме — и там исчезли. Видно, убийца поплыл или пошел по реке, где то у него была спрятана лодка.

Месяц спустя в районном городке были повешены двое за участие в Борисовском злодеянии. Один из них был 22-летний парень родом из нашего села, уголовник, еще при советской власти не раз сидевший по тюрьмам. Другой был высокий черный человек с полуседой бородой, в котором следствие не скоро признало Цхария — так он изменился. Убийство Таси он объяснил ревностью. Его участие в Борисовском деле было доказано с полной несомненностью.

Когда партизаны безмятежничали в Борисовке, один немецкий солдат лежал там под стогом камыша. Как и обер-лейтенанта, его спасла одна женщина, толкнувшая его туда и завалившая камышом. Он слышал и стрельбу, и треск огня, и крики своих несчастных товарищей, — слышал и сознавал свое бессилие и полную невозможность помочь. Когда настала ночь, он не мог больше выдержать. Он раскидал камыш, встал и огляделся. Стог стоял в большом дворе, недалеко от края села. Соседняя хата догорала, красно освещая местность. По всей окраине села горели костры, по улице ходили дозорные. За линией костров черным бархатом лежала степь. Солдат посмотрел на звезды, соображал, где север, где юг — и решительно пошел по улице в южном направлении. Несколько раз он встречал дозорных, но шел, не останавливаясь. Его не окликали, принимая в темноте за своего. У края села он остановился. Справа и слева горели костры, у них сидели вооруженные люди, кто в форме, кто в гражданской одежде. Часовой ходил от костра до костра.

— Так — или так, — сказал себе солдат и твердо пошел посередине между кострами.

Один из сидевших у костра повернулся к нему и что то сказал. Солдат пробормотал в ответ несколько непонятных слов, ожидая, что его сейчас схватят. Но никто не шевельнулся. Часовой прошел в двух шагах от него, не глядя. Еще десять шагов — еще двадцать — он почувствовал, что для сидящих у костра его фигура скрылась во тьме. Тогда он по-

(Окончание на 10-й стр.)

Казачи во

Новая тяжелая артиллерия устанавливается на берегах Атлантического океана

*

В тихие, спокойные вечера на позиции, песенники и музыканты устраивают импровизированные концерты

Спектакль на открытом воздухе. Штык вполне заменяет кинжал танцору, исполняющему лезгинку под струнный оркестр

Франции

В целях лучшей защиты от врага, прибрежная полоса северной Франции затоплена

✱

Казани-артиллеристы обучаются новой для них отрасли военного дела — стрельбе из зенитных орудий

Казачья сотня проходит через французскую деревню

бежал прямо в степь, не ища дороги, только держа по звездам направление на юг. На рассвете он спрятался в дощину и заснул. Ночью он снова пошел, заворачивая на запад. Так он блуждал трое суток, не встречая ни людей, ни сел — они все тянутся вдоль Кумы, южнее степь совершенно пустыня. Измученный, истощенный, он вышел, наконец, к селу в сорока километрах от нас. Его отвезли в лазарет в Красногорске. Только через неделю он вернулся к части. Это был Макс.

Я встретила с ним, зайдя к Вилли по делу уже в качестве переводчицы. Он поздравил меня с назначением, а его — с избавлением от смерти.

— К смерти мы всегда готовы, — просто сказал он, — на

то мы солдаты. Но, конечно, такая смерть ужасна. А ваша бедная Таис!

— Да, могли ли мы думать, когда она танцевала перед нами, что это ее последний танец!

— Могли, — серьезно сказал он. У нее в глазах, да и во всем ее существовании, было что-то трагическое, обреченное. Вилли заметил кое-что в этот день и рассказал мне. Тогда он еще не знал, кто ее возлюбленный. Это был опасный человек. Бедная Таис!

Я простилась и ушла. Серый, ветреный день стоял на дворе, мелкие вихри крутились по дороге, захватывая пыль, щепочки, листья, как во сне Таис.

Бедная Таис!

Т. Левшина.

Лбищенский рейд

Окончание*)

Помощник Чапаева — комбриг Иван Кутяков, перед вечером 5-го сентября получил донесение: «Штаб в Лбищенске разгромлен казаками. Чапаев убит». Оставаться в Сахарной было бессмысленно. Кутяков полностью принял на себя командование. Отдал приказ: «— Быть в полной боевой готовности». На передовой линии к Калену разложили костры, а сами с наступлением темноты снялись с позиции и соблюдая наибольшую тишину, вышли из Сахарной к Лбищенску. В Сахарной оставили эскадрон. Как только последние части вышли из Сахарной, кавалеристы зажгли бикфордов шнур и на рысях поскакали за уходящими. После их ухода один из стариннейших соборов Низовой линии взлетел на воздух. В соборе был склад снарядов.

Услышав взрыв, казаки послали разведку. Разведка обнаружила, что Сахарная оставлена красными. План казаков напасть врасплох на Сахарную, когда красные будут отходить, — не удался. Красные перехитрили казаков.

6-го сентября 1919 года казачья разведка донесла, что 25-я дивизия подходит к Лбищенску. Сыграли тревогу и казачьи полки приготовились к обороне.

Николай с 3-й сотней получил задание от командира полка: «Выйти на дорогу в сторону Сахарной. Не вступая в соприкосновение с противником, вести все время наблюдение за ним, при нажиме — отходить по дороге к своим частям...»

Николай увидал вдали кавалерию. Развернувшись в лаву, красные шли на Лбищенск. Мелькнула молния, засвистел снаряд. Граната резорвалась влево от Николая — метрах в 700—800. Артиллерия красных стала обстреливать подступы к Лбищенску. Николай с сотней стал отходить к мельницам.

К полдню пехота красных вошла в Лбищенск. Принимать новый бой со свежими, неизмотанными частями противника было рискованным делом. Были тут и другие причины: казачьи полки не оправались еще после вчерашнего боя. Если бой с Чапаевым и был выигран, то благодаря большому напряжению сил всех имеющихся в наличии полков. Так, что для следующего боя уже не оставалось свежих резервов. Кроме того задача: нанести удар 25-й дивизии или хотя бы сковать ее, лежала на казачьих полках, оставшихся в Калену. Выполнить двойную задачу: разбить штаб Чапаева и вступить в бой с 25-й дивизией, группа генерала Сладкова не могла. Первая задача — разгром чапаевского штаба — была им выполнена блестяще. Лишившись штаба дивизии, красные не могли наступать и вынуждены были отойти к Уральску. Следовательно — основная цель рейда была выполнена. Казаки получили возможность вернуться в хлебные станицы и подправить конский состав и людей. Дальнейшая задача сводилась к тому, чтобы оттеснить красных как можно дальше к Уральску или за Уральск. Была и другая причина, что мешала вступить в бой с красными: недостаток артиллерии. Генерал Сладков имел не больше двух батарей с ограниченным количеством снарядов. Рейд строился на легкости передвижения, быстроте и внезапности налета, что вполне оправдало себя.

... В Лбищенске слышны были выстрелы, пулеметные оче-

реди. Красные, растекаясь по Лбищенску, простреливали улицы, дворы. Казаки отходили к Уральску.

Николай с сотней спешился и занял оборону неподалеку от дороги. Недалеке от дороги, к Уралу, начиналась пересеченная местность — дуга. Казаки укрылись в небольшом ярку. День был, как и вчера, жаркий. Не столько хотелось есть, — как пить. Казаки лежали в ярку, курили, говорили о вчерашнем бое, вспоминали убитых товарищей. Николай всегда наблюдал своих казаков: они могли быть чем-либо недовольны, — тогда они ругались, вспоминая о чем-либо трагическом, могли сожалеть, в большинстве же случаев, — старались окрашивать факты жизни в комические тона, сопровождая свой разговор, как это водится у русского народа, солеными словами. О смерти они обычно не думали и не любили об этом говорить, философская сторона этого вопроса их не интересовала. В таких случаях Николаю всегда вспоминались толстовские крестьяне, солдаты. Никто из писателей не сумел так глубоко и верно изобразить жизненную цепкость простого русского человека, как сделал это Лев Толстой.

... По дороге на красивом гунтере проехал полковник Абрамов — командир 5-го Партизанского конного полка. Полк сформировался в Илеке, в него входили верховые казаки, большинство Илецких. За время гражданской войны полк причинил много неприятностей красным. Слава о его подвигах шла по всему войску, он был известен и казакам и красным. Своими боевыми качествами полк во многом был обязан командиру — полковнику Абрамову.

... Николай с интересом присматривался к полковнику Абрамову. Он много слышал о нем от казаков. Небольшая ладная фигура. Гладко выбритое, сухое, энергичное лицо под большим козырьком. Лицо английской складки. Благородных кровей, высокая английская кобыла шла спорой рысью. Полковник Абрамов уверенно сидел в кавалерийском седле, мягко подпрыгивая в такт рыси. В нем чувствовался старинный, опытный кавалерист. Сзади его рысили три казака на низких киргизских лошадах. Николай видел Абрамова первый и последний раз в жизни. Через час его провезли из под Лбищенска на дрогах. Две пули пробили ему обе ноги. Он руководил отражением атаки красных, уже выступивших из Лбищенска, тут его и ранило. В 1920 году в феврале месяце в 250 верстах от Гурьева, на забытом Богом островке Прорве, красные расстреляли больного полковника Абрамова. Ему не могли простить того, что он был популярным героем среди казаков. Трудно было ожидать, конечно, рыцарских чувств даже к больному врагу от людей, у которых идеалом был культ «священной ненависти» т. е. — предельной злобы.

... От атамана Толстова прилетел самолет. Летчик привез инструкции генералу Сладкову и — двух летчиков для захваченных самолетов. Самолеты от Лбищенска везли на быках.

В стороне от дороги стояли три самолета. Два из них на бортах имели красные пятиконечные звезды. Два советских летчика вчера, возвратившись из разведки, решили, что в Лбищенске находятся по-прежнему красные, спустились и попали в руки к казакам. Они клялись и божились, что они старые русские летчики германской войны, что им можно доверить

*) См. №№ 23—27 «На Каз. Посту».

аппараты, но аппараты им не доверили, а посадили своих летчиков, присланных атаманом Толстовым.

Николай с любопытством смотрел, как летчик и механик возились у самолета.

Механик, держась за пропеллер, спрашивал: — «Контакт». — Летчик отвечал: — «Есть контакт...» Механик тогда крутил пропеллер. Мотор урчал, но пропеллер почему то не крутился. Николай посмотрел и пошел к казакам, лежавшим в обороне. Впоследствии эти два самолета, исправленные, вошли в состав Кавказской Уральской Армии.

25-я Чапаевская дивизия пробилась к Уральску. Группа генерала Сладкова вынуждена была очистить главную дорогу и отойти на хутора. 7-го сентября казаки соединились. Конные полки пошли преследовать отступавших красных. 3-й Чижинский полк есаула Хохлачева, где служил Николай, из под поселка Богатинского, получил приказ атамана двигаться на Славянск. Казаки были очень довольны таким приказом: в Чижих у всех оставались родственники, значит имелась возможность опять увидеться с ними, погулять по знакомым, родным местам, подкормить лошадей и самим подкормиться. В ночь Чижинский полк уходил в степь.

Кавказская линия

(из книги германского писателя Карла фон Зегера «Пророк и вождь Шамиль»).

После постройки Моздокского форта в 1770 г., последовало основание целого ряда укрепленных поселений. Все эти форты составляли «линию», которая вскоре превратилась в одну непрерывную цепь от Каспийского до Черного моря. Эти, тактически очень хорошо расположенные, укрепленные поселения, опорные пункты и передовые посты являлись базами для дальнейших оперативных наступлений.

Вместе с движущимся вперед в течение десятилетий покорением пограничных племен и народцев, продвигалась и линия все дальше и дальше на юг. Остающиеся позади укрепленные поселения, называемые станицами, теряли постепенно свое военное значение и превращались, подобно ранним римским укрепленным лагерям, в чисто земледельческие колонии. Но и до сего дня они сохранили свой военный характер.

Расположенные четырехугольниками станицы образовывали своими прямыми, словно по шнурку вытянутыми улицами, деревни. Посередине станицы обычно находилась церковная площадь. Казаки и солдатские семьи жили в низких, с соломенными крышами, деревянных домах. Дома эти строились на сваях, поднятых почти на один метр от земли. Некоторые из домов имели камышковые крыши. На церковной или базарной площади помещались лавки со всякой всячиной.

В летнюю пору мало кого можно было видеть на улицах станицы. Старики были или на охоте, или на рыбной ловле, или же с женщинами на полевых работах, или виноградниках.

Казаки же несли свою службу на постах или в патрулях.

Вокруг всей станицы тянулся ров, шириной почти в три с половиной метра, за которым был вал, а на нем плетень. Все выходы из станицы тянулись к мосту, перекинутому через ров. Этот мост в любой момент можно было закрыть и взять под огонь. На доске, прикрытой крышей, было написано название станицы, количество домов и число жителей.

Вечером раздавался в станице выстрел и трубач возвещал вечернюю зорю. Когда смолкала труба, начальник караула снимал папаху и подавал команду «Смирно».

Заключение

Лбищенский рейд отстрочил разгром Уральской казачьей армии на 4 месяца. Гибель ее определялась, как и вообще гибель белого движения, общими историческими причинами русской революции. Об этом пишутся и уже написаны солидные исследования. После гражданской войны никто так не пострадал из казаков, как уральцы. Многие станицы, поселки, хутора совсем перестали существовать, остались глина и печные трубы. Тиф и голод 1920—21 годов закончили дело. В сохранившихся станицах осталось 2—3% мужского населения.

Сам по себе Лбищенский рейд войдет в военную историю, как образец большого маневренного мастерства и упорства уральских казаков. Он лишний раз подтверждает незыблемую истину суворовской стратегии: «Недорубленный лес — вырастает...» Чапаев стал жертвой излишней самоуверенности. Он решил, что с уральцами уже расправился. Еще несколько ударов и конец. А получилось так, что «разбитые» уральцы сумели нанести самому Чапаеву смертельный удар в самое сердце и в переносном и в прямом смысле.

Лбищенский рейд — блестящее дело уральских казаков. Он ждет еще своего исследователя.

А. Погодаев

И в вечерней тишине угасающего дня неслись к небу звуки хора сильных басов, поющих «Отче наш». Каждый вечер молилось так в своих станицах православное казачество. И, если бы сам Царь явился гостем в станицу — то и он исполнил бы команду, ибо в эту минуту он был бы также солдатом своей Империи.

Отзвучала молитва вечерней зари и станица погружалась в полную тишину. И только сторожевые казаки на постах на валу и на выдвинутых вперед пикетах, время от времени, перекликались протяжными голосами: «Слушаай! Слушааю!»

На высоте трех метров от земли, на сваях, недалеко от моста, возвышались сторожевые вышки. Оттуда зорко направо и налево смотрел казак. На бруствере лежало его ружье. Опершись локтями на перила, зорко вглядывался часовой на пространства, расстелившиеся перед ним, на горную даль по ту сторону Терека. Его, всегда поседланый, стреноженный конь пощипывал в лесу скудную растительность.

Длинной непрерывной цепью тянулись эти вышки между станицами. Небольшая деревянная или соломенная крыша защищала казака от палящего зноя солнца, или от дождя. Тяжело было стоять на вышках зимой. Единственной защитой казаку от ледяного холода была кавказская бурка, а при ней башлык. Ружье всегда находилось в войлочном чехле, чтобы избежать малейшего шума от бряцания оружием. На голове — меховая папаха. Деревянная лестница вела с вышки на землю.

И день и ночь сменялись казаки на своих постах. Двумя выстрелами предупреждали они станицу о неожиданных нападениях на скот, об угоне табунов, о появлении патрулей и небольших банд. Восемь выстрелов давалось для оповещения близлежащих станиц и сторожевых вышек в случае, если предвиделось появление крупных отрядов горцев.

Далеко видел зоркий, как у совы, глаз казака, но и он не всегда мог проникнуть через чащу густых зарослей кустарников. Часто обманывали черкесы или чеченцы бдительность казака и он замечал их только тогда, когда уже поздно было давать сигнал тревоги. И, если чудом избегал он кинжала или пули врага, то, во всяком случае,

КАВКАЗ (с картины Айвазовского 1840 г.)

здорово мяли ему бока его же станичники за ротозейство.

Когда же раздавался пушечный выстрел, призывая казаков к оружию, все казаки на своих маленьких, быстроногих конях неслись к Тереку или Кубани, чтобы занять места переправ и отрезать горцам пути отступления. Тогда горцы обычно спешили убраться во-свояси, ибо знали, что в этом случае при налете на станицу будет больше пролито их крови, чем может быть захвачено добычи. Ведь во многих станицах стояли небольшие армейские гарнизоны линейной пехоты, которые, в то время, когда казаки лавой окружали врагов снаружи, залегали за плетнем и открывали огонь.

Но часто врагам удавалось ночью произвести нападение на станицу, прежде чем большие казачьи силы могли прибыть на выручку. И тогда станица пылала в огне, шел грабёж, женщин и детей горцы привязывали к лошадям. А отрубленные казачьи головы горцы уносили на сабельных остриях.

С начала XIX столетия линия из года в год все усиливалась регулярными войсками, новые форты и крепости выросли на ней. Но великая Россия не торопилась. Летом линейные батальоны уходили в экспедиции, сами нападали на врага. Зимой стояли они на квартирах. Монотонно и уныло протекала жизнь за валами станиц. Длинная кавказская зима, длящаяся восемь месяцев, была сплошной мукой для гарнизонов. Корабли, летом регулярно приходящие из Севастополя с продовольствием, — зимой прекращали свои рейсы. На Черном море в зимнее время бушевали бури, а на берегах не было удобных гаваней. Гарнизоны вели жизнь пленных. Солдаты питались солониной и плохим хлебом. В бараках свистел ветер и часто нехватало дров. Офицерам жилось немного лучше. Они могли коротать время за чтением романов, за винтом, за пуншем и за неизменным кипящим самоваром.

Часто также форты оказывались могилами для солдат. Многие умирали от цынги, не имея для пищи свежего мяса. Командиры не всегда могли доставать баранину. Недоставало муки и других продуктов. Не было ни вина, ни водки. Болезни были страшнее для солдат, чем ежедневная опасность, которая, в конце концов, входила в привычку и развивала у солдат фатализм. Жизнь проходила как бы в дрящущей осаде. Опасно было отправиться в лес, чтобы раздобыть необходимый для построек и плетня материал или дрова. Убитых невозможно было хоронить далее чем на ружейный выстрел от крепости, так как ночью появлялись горцы и раздевали покойников.

В станицах жизнь была несколько легче, чем на фортах. И все таки линейный казак меньше ненавидел горцев, которые похищали у него лошадей и убивали его братьев, чем ненавидел он прибывающих в станицы солдат. Солдаты располагались у казаков на квартирах, чтобы защищать станицы, но они вызывали только неудовольствие в доме. Они много курили и волочились за девушками. Казак уважал своего врага-горца, с которым он роднился кровью через похищенных женщин. Горец был ему более товарищем, чем чужак-солдат, казавшийся ему некультурным человеком. Этот пришлец был для него диким и презираемым существом. Армейский офицер из провинции, когда он хотел подтянуть казака, слышал гордый ответ последнего: «Я не солдат, я — казак».

Слепое повиновение и безмолвное подчинение русских солдат своему начальству, были для казаков ненавистны. Ведь они сами выбирали свое начальство вплоть до атамана. Десятилетиями казаки и их отцы владели предоставленными им царем правами и потому все эти столкновения были неизбежны.

(Перев. с немецкого).

Е. Букреев.

Методы борьбы с бандами

Выводы из практики борьбы с партизанами на Балканах

Обращаем внимание наших читателей на интереснейшую статью генерал-майора Гуго Керхаве, появившуюся в одном из последних номеров газеты «Потсдамер Тагесцайтунг». Для казаков эта статья представляет особый интерес не только потому что многие из них в данное время заняты борьбой с партизанскими бандами в восточной части Европы и на Балканах, но и потому, что партизанские войны в казачьей истории занимают видное место как в старину, так и в последние времена существования казачества: — многочисленные партизанские отряды начала

... «В настоящей войне немецкой армии пришлось познакомиться с совершенно новым для нее (кроме старых офицеров австро-венгерской армии и старых колониальных солдат) родом войны — с войной против банд. Эту форму войны часто не дооценивают в Центральной Европе, где ее еще не знают. Существенной особенностью этой войны является то, что врага трудно обнаружить, а когда он исчезает, то думают что он понес очень большие потери и, даже, вовсе уничтожен.

Борьба банд может быть успешной в благоприятной для нее местности: гористая, лесистая местность с трудно-проходимыми ущельями и водопадами, с непроезжими тропами; люди — неприхотливые, выносливые и подвижные, относящиеся с полным равнодушием к собственной жизни, готовые на все и лишены жалости к собственным согражданам, — вот предпосылки для успешной деятельности банд.

В 1916-18 г. г. в Сербии наиболее действенным средством в борьбе против банд оказалось создание специальных частей; без таких формирований все способы этой войны являлись либо малоуспешными, или же вовсе негодными. Не-специалистам кажется очень простым средством — окружение банд, создавая, так называемый «котел». Но на практике результаты такого «котла» совершенно ничтожны по сравнению с затраченными силами: для того чтобы очистить от нескольких сот бандитов местность в 16-17 километров в окружности, необходимо около 10.000 солдат, идущих цепью с интервалом в 10—12 метров. Даже и такая густая цепь солдат не является залогом того, что, при пересеченной местности, в особенности ночью, или в туманную погоду, большинство бандитов, в одиночку или небольшими группами, проскользнет сквозь цепь в то время, как другие моментально превратятся в мирных жителей, либо последними будут спрятаны и укрыты. При одной такой операции, происшедшей в большом масштабе на сербско-болгарской границе, которая была местом постоянной выучки специальных войск, поймано было всего лишь до 90 человек, хотя для этого дела было привлечено 7 батальонов под командой одного опытного и весьма энергичного офицера.

Другой метод, повидимому лучший, заключается в том, чтобы направить отступающих бандитов на линию, занятую небольшими частями на так называемых «проходах», но и тогда не представляется возможным осно-

гражданской войны, «бело-зеленые» и «красно-зеленые» партизаны в горах Кавказа, и, наконец, те же способы партизанской войны казачества против красных в течение ряда лет по окончании «белого движения», возродившиеся на родной земле с приходом германских войск.

Ниже приводим наиболее интересную для казаков часть статьи немецкого генерала, который перечисляет и разбирает средства и предпосылки для успешного ведения борьбы против банд на основании исторических примеров из недавнего прошлого.

вательно «прочесать местность». Этому мешает и население, даже в том случае, когда оно благожелательно настроено к властям, но боящееся террора бандитов, не стесняющихся в самых жестоких способах репрессий.

Наиболее радикальные мероприятия для искоренения в той или иной местности бандитизма, как показала практика, следующие: интернирование всего способного носить оружие мужского населения (этим, кстати, власти получают большие кадры рабочих); введение системы обязательных личных удостоверений с фотографиями; во всем остальном следует население оставить в полном покое (если оно спокойно и работает) и энергично защищать его от террора банд; подбор для войсковых частей смешанных, расторопных и выносливых в продолжительных маршах людей: хороших стрелков, мастеров бросать ручные гранаты и способных к рукопашным боям, под командой отборных офицеров.

Такие небольшие части, главным, а иногда и единственным вооружением которых являлся легкий пулемет, поддержанные местными разведчиками, применялись нами в прошлой войне для преследования, дено и ночью, бандитов. Им не давали покоя, часто втягивая в перестрелку даже и на далеком расстоянии, чтобы они безуспешно тратили трудно добываемые ими боеприпасы. За этими передовыми отрядами должны следовать (на телегах или автомобилях) другие части, имеющие своим назначением сменить преследователей при усталости последних. Такой способ борьбы, в котором применялись нами проживавшие в Сербии албанцы и сербы-магометане, давая наилучшие результаты, даже против тех банд, во главе которых стояли лучшие и наиболее талантливые вожди.

Организатор бандитизма в Сербии, капитан Коста Войноч был убит в перестрелке с болгарским патрулем.

Борьба с бандами требует большого кругозора, знания дела, страны и народа и предъявляет к применяемым для этого войскам большие требования, какие нельзя требовать продолжительное время от фронтовых частей, ибо для борцов с бандами нет покоя ни днем, ни ночью; они во всякое время могут ждать пулю сзади. Они всегда должны быть готовы непрерывно преследовать по пятам хитрого и изворотливого врага.»

К а з а к

(Повесть.)

Казакам конвсйной сотни Доманова, погибшим в боях с большевиками, посвядаю.

Рано утром стоял над обрывом казак. Еще не было солнца, только бледнел восток, только чуть подул прохладой, дрогнул над рекой туман, ночной сумрак медленно уплыл в проулки и в гущу акаций. Еще пели сверчки, заканчивая ночную симфонию. — Станица, родная станица... — прошептал казак. Внизу под туманом шумел по камням Уруп. Повернув лицо навстречу прохладе, струившейся с гор, он улыбнулся и вздохнул. Как часто, вот как сейчас, на рассвете, вдвоем с любимой дивчиной останавливались они над Грековой кручей, чтоб увидеть, как раньше всех умывался суровый Эльбрус розовыми лучами солнца. А там, где тянулись силуэты хребта, в темных лощинах еще сладко дремали белые облака.

Тогда было ему семнадцать лет. Молодое мускулистое тело было напряжено, чуть выпнутые крепкие ноги говорили о верховой езде с детства.

— Пусть так... — произнес казак. — Слышишь, Эльбрус... горы, туманы и ты, станица... Я вижу розовый цвет садов твоих, широкие улицы... — он повернулся спиной к реке, перед ним было старое кладбище. Здесь лежали его деды и прадеды.

Грязные руки большевиков уже коснулись обители мертвых. Железные ограды срывались для нужд колхоза, могучие акации, кусты сирени и бузины, кидавшие грустные тени могилам, вырубывались, кресты и памятники на могилах сносились.

— ...И ты, дед, слушай внука... Слушайте, что скажу я молодой и, может быть, еще неразумный казак. Пока бьется сердце в груди, видит глаза, слышит ухо, носят ноги, слушают руки, я буду бороться за волю казачества, за его честь и права, добытые храбростью, подвигами и кровью...

Наступал день. За спиной казака, где побагровел восток, солнце окропило ночь первыми тоненькими лучами, и высоко, высоко в небе засеребрились перистые облака. Надо было спешить. Надвинув плотнее кубанку, еще и еще раз кинув прощальный взгляд Эльбрусу, засверкавшему сейчас как огромный алмаз, — он нырнул в кусты.

Как были знакомы все эти могилки и тропы старого кладбища. Сюда на «гробки» сходилась вся станица... и бабка приводила его сюда за рученку, раскладывала на могилках родичей яички, отваренный рис с изюмом в меду. Цветные платки, юбки казачек, малиновые верхи кубанок, сверкающие газыри черкесок оживляли всегда царившую здесь тишину. Старенький батюшка служил панихиды.

Кто вырвет из памяти детства такие теплые послепасхальные дни? А кто имеет право отнимать жизнь? — думал казак. — Кто может отнять у людей Бога, рушить храмы, разбить дом отца, предварительно ограбив его, а тех, кто всю жизнь трудился в поте лица, кормил отечество и защищал его, хватать, как преступников и умерщвлять. За что? Большевики! Почему Бог не превратит их в камни. Крупная роса травы и листьев кустарника, промочила одежду, разгоряченное тело вздрагивало.

Вот поваленная ограда кладбища. Казак присел. Протарахтела линейка. Казак узнал местного «бедняка» активиста, известного лентяя-пьянчужку, всю жизнь игравшего в «орла» у питьевого заведения, — Бойко, приписанного казака из хохлов. Он на ходу пересматривал одежду в раскрытой скрыне, поставленной поперек линейки. Лошадьми

правила его жена Маришка, слюнявая, крикливая бабенка. Это она вчера с лопатой в руках бегала по двору его отца, визгливо крича: «где зарыт хлеб, куркуль проклятый, кажи!» На коленях ее лежало зеркало, отражавшее первый луч солнца.

Линейка протарахтела, осталась долго неоседающая завеса пыли. Казак воспользовался ею, перебежал улицу, махнул через забор и присел в бурьяны.

Уже был день. Сладко пахнул густой цветущий вишняк, жужжали пчелы. — «Наши!» — подумал казак. Соседний двор через огороды был его двор. Там стояло десять ульев. Сквозь цветы просочился луч и засверкал в маленьком озере на темном листе лопуха. Он припик губами и выпил. Вновь затарахтели брочки, донесся плач. Более тридцати подвод нагруженных детьми, женщинами и стариками медленно двигались по дороге. Их погрузили в чем они были, не дав забрать с собой ничего из личных вещей, не говоря уже о домашности, брошенной на разгром. Многие были в одном нижнем белье, ибо слишком рано утром началось «раскулачивание». Конные чекисты и местный «актив» сопровождали это дикое, похожее на похороны шествие. Так присущее в горе бабам причитание рвало сердце.

За что? за что... — думал казак сжимая горло, — за то, что всю жизнь трудился, всю жизнь... Вот оно казачье горе.

Но казак разве плачет? Нет! Вся жизнь казачья была войной. Да, дед говорил ему еще совсем маленькому: «тут в скрыне черкеска, кинжал, вот на стене сабля». Ах, какая была сверкающая серебром сабля! Его детские рученки крепко сжали эфес с позолоченным темляком, а дед говорил: «это, казачек, вся твоя казачья справа». Потом дед его повел на конюшню, там выбрикивал недельный лошонок — «это твой, расти его и расти сам» — и дед умолк, а потом добавил: «вырастешь, пойдешь служить родине, запомни: что есть казак? Казак мудрый и храбрый воин. В бою казак безпопачен и страшен. Казак не знает измены. Казачья честь превыше всего. Будут казнить тебя — молчи, будут убивать детей твоих, жечь дом твой — не плачь, ибо казачья гордость равна казачьей мести. Казак живуч, его не скоро докопашешь, с нами Бог. Какой мерою тебе меряли, такой мерою и ты отмерь, только во сто крат больше».

— Да, да, — шептал казак, — какой мерою тебе меряли... Теперь был слышен плач со всех улиц. Где то трянули выстрелы. Чекист наметом догонявший обоз кричал: рысью, рысью...

Стало тяжело дышать, не от того ли, что так сильно пахнул вишневый цвет. И вдруг казак, вздрогнув всем телом, кинулся через сады и огород к своему плану. Там послышались крики и причитания его матери. Вот малишник, вот знакомые ему с детства яблони. Он остановился и, тяжело дыша, обнял ствол. Дерево сладко пело, вздрагивая розовыми цветами под тяжестью золотистых пчел.

Перед ним были желтые улейки, голубенький часток колпачника, цветущие персики и старый плетень, отгораживающий сад от двора. Он подошел еще ближе, сердце стучало и то, что увидели его глаза, разве забудет когда молодой казак! Какие то люди воровато суетились в конюшне, в амбаре, рылись в половнике. Коровы и лошади были уже за двором, заядлый станичный комсомолец Федька Слезнев с винтовкой через плечо бегал по площади, отгоняя возвращаю-

щуюся назад скотину, выпущенные из кошары овцы блеяли. Отец стоял посреди двора скрестив на груди руки, черные глаза его мрачно горели. На земле валялась мать, широкая, полногрудая, всегда веселая казачка, тонко, тонко (он никогда не слышал у матери такого голоса) причитала: ... да ты-ж, двор наш, да мы-ж тебя потом, слезой кропили, да мы-ж с человеком тебя рученьками сробили, да мы-ж чужого не трогали, да убьют вас, мои деточки, казачата мои, да где-ж ты казачья сабля, да сруби ты ворогам головы...

— «Какой мерой тебе меряют» — глухим голосом сказал молодой казак, шагнул вперед. Но его увидел отец, всегда видящий все, спокойный, хозяйственный казак. Взгляд его сильнее помрачнел и сын отступил. Вчера вечером отец наставлял: завтра коммунисты придут нас грабить. Ты тикай... Мы с матерью поглядим, как то, что нам доставалось трудом, другим достанется даром. Убьют нас или арестуют, чтобы убить в другом месте, — ты не показывайся. Ты вернись; поцелуй напоследок порог дома и сожги его. Сожги все, сад выруби. Не дозволено жиду жить в казачьем курене, есть плоды из его сада, есть хлеб из его амбаров. И уходи. И береги себя. Не становись рабом коммунистов, не работай для них, не кушай с ними из одной чашки, потому что губы их пили казачью кровь, не здоровайся с ними, потому что руки их убивали отца твоего. Жди. Наступит время, отомсти за нас. Тогда на этом месте поставишь дом, а по нас с матерью отсужишь в церкви панихиду. Благословляю тебя.

Казак отступил еще назад и притаился. Как выдержу я, — думал он, если будут бить мать или отца.

Из раскрытых настежь дверей дома выскочили активистки по «раскулачиванию» Гарпина Якубина и Жебелева Лидка. Они несли материнские юбки, кофты и шали. Видимо они поспорили во время грабежа. Высокая, плоскогрудая Лидка визжала — ты у Пустоваровых нахваталась и тут хапаешь?

— Не гавкай! — прошипела Гарпина, обходя причитающую на земле казачку. Но та увидав в чужих руках свои кофты, схватила жадную Лидку за волосы и так дернула, что та брякнулась оземь, как чувал. Гарпина метнулась в форточку ворот, но мать догнала и ту, одним мужским ударом в спину повалила навзничь. — Вы это надбали, продажные суки? — нараспев спросила она. И как бы за помощью обернувшись к отцу, и увидав его спокойно стоящего, с презрением искавив лицо, закричала: глядите, стоит казак! Жинку его грабят, дом его грабят а он стоит. Это не казак! Кацап! Рязанская сваха!»

— Цыть! — крикнул отец внезапно так грозно, что сын готовый перескочить плетень, задетый словами матери, вновь отступил назад.

— Цыть! Нехай грабят... Плетью обуха не перебьешь Его рубить надо.

На крик из дома рыбежал Степаненко, председатель совета станицы. Ему было неловко. Еще так недалеко он выдал отцу похвальную грамоту за образцовое ведение хозяйства, советовал еще больше обогащаться. То была низкая большевистская хитрость — Ленин рассматривал крестьянина, как скотину, которую прежде чем отогнать на бойню, следовало откормить. НЭП был величайшим обманом, какого не знала история.

Степаненко держал в руках отцовский бешмет, черкеску, диагональные шаровары на очкуре, джигитские мягкие сапоги; разделанный серебром с позолотой кинжал, обмотанный казачьим поясом, торчал у него под мышкой. Сын знал, как дорожил отец этими реликвиями, этой единственной памятью о былом казачестве. Воняющий потом, заволпанный от легкой наживы коммунист, посягал и на эту святыню. В течение всего времени пока забирали скотину, описывали хлеб, имущество, спокойствие хозяйна смущало грабителя. Он ждал сопротивления, ругани; тогда легко было бы выйти из этого состояния оплеванности, в котором он находился. Было много мужской одежды, ему страшно хотелось

кое-что прикарманить, сейчас же пока не расхватили другие, но старый казак молчал, только страшно сверкал глазами, наблюдая за ним, и трусливая от природы душонка председателя ежилась, не давая рукам развернуться.

Когда старый казак вышел, чтобы взглядом проводить скотину, Степаненко схватил казачью форму, громко, так чтобы слышал хозяин, и крикнул: «а это в клуб, драмкружку!» Теперь, выскочив на крики женщин, он просиял: была причина немедленно убрать со двора страшного в своем молчании казака. Неловкость исчезла с его лица — связать бабу! — крикнул он торжествуя, — тыжневые, связать бабу! Физическое сопротивление врага, мы это ожидали! — Теперь он был в своей тарелке. Крыльцо напоминало трибуну. Вызубренная им у районных работников болтовня, дальше которой он ничего не знал, вышла наружу.

— Разбить классового врага в деревне, уничтожить кулачество как класс, — кричал он — на базе сплошной коллективизации, построим новую жизнь! Но враг сопротивляется, убивает селькоров...

В это время глаза его увидели бегущих через площадь к ним начальника милиции и своего заместителя Митьку Черноуса, — они раньше меня заберут лучшие вещи — подумал он, — и обрывая речь, приказал: связать кулака! Тыжневые, быстро! Сын видел, как блестел на солнце кинжал. Отец, подавшись вперед, впивался в него глазами, он сделал еще шаг вперед и остановился. Сын прикрыл на секунду глаза, сейчас убьет, мелькнуло у него. Насколько отец был спокоен, на столько он был и страшен, когда его выведут из терпения. Сын открыл глаза, но отец по-прежнему стоял на месте. Оправившаяся от удара Жебелева, подскочила к матери, ударила ее в губы. Из конюшни и амбара бежали нарочные выполнять приказание председателя.

Сын все видел. Душистые цветы персиков пьянили его. Мать отерла разбитые губы и показывая отцу крикнула: гляди! Кровь казачья! — «Кровь казачья» повторил сын — «какой мерой тебе мать меряли...» Слезы затуманили глаза. Но он видел как в два прыжка отец достиг председателя, выхватил из его рук кинжал, подбежал к колодезю и кинул. Колодезь был стар и глубокий, им давно не пользовались: дно его было илистым. Напрасно шесть человек кинулись держать его, он не сопротивлялся; ему крутили руки, били, связали веревками ноги. Дальше сын не мог видеть, голова его опустилась, слеза упала на веселый цветок молодого побега персика, сидевшая там пчела зажужжала, тряхнула крылышками и тяжело полетела. А казаку дозволено плакать?..

«Будут казнить тебя молча, будут убивать детей твоих, жечь дом твой, — не плачь, ибо казачья гордость равна казачьей мести...»

Он вернулся в сад к плотному забору, где был дикий вишняк и густой бурьян. Он не видал, как кинули в брычку связанного отца, мать и маленькую восьмилетнюю сестренку, перепуганную, все время просидевшую на печи. Ведь так изменилось все. Жизнь становилась чужой и новой. Черная, страшная, страшная пустота стояла на пороге его отрочества. За один день. Нет, за одно мгновение. А горлицы урчали в акациях, как прежде, как когда-то, очень давно, когда был дом, семья, была любовь, юношеские широкие, волнуемые надежды... Он пролежал в бурьяне весь день, закрыв глаза.

И опять наступала ночь, как прежде, когда сердце не рвалось в тоске. Вот гнездо его, разграбленное большевистскими воронами. Разве знало когда его молодое сердце, что может жить в человеке такое страшное, черное горе!

Та же ночь, та же симфония маленьких музыкантов на деревьях, в траве. На кубанку к самому уху его приполз

сверчок, потер ножками раз, другой, как смычком по маленькой скрипке, казак лежал на том же месте в холодной траве. Станица, родная станица. Не было песен девчат, посвиста хлопцев, не было шороха запоздавшей со степи брички. Тишина притаилась в улицах. Мертвыми стояли казачьи дома, зияли открытые двери сараев.

...Я поцелую порог своего дома. Родная станица!

Сверчок щекотал усиками его горячее ухо, как будто спрашивая — что спеть тебе, молодой казак?

Что спеть? Спой мне про станицу. И сверчок заработал ножками, ему отозвались на заборе, в цветах вишняка, а когда он залился нежным цокотом, ему подхватил весь сад. И в песне говорилось так: бежит холодный Уруп по звонким камням, шумит на порогах, срывается водопадами, и в водяных брызгах его, что разбиваются о граниты ущелий, солнце рисует радугу. Вечные снега Кавказа питают его. Громовые дожди сгоняют с утесов минеральные щелочи; поэтому ходят казачки на Уруп с коромыслами, по извилистым тропам и спускаются с кручи, черная ведрами хрустальную воду. Где Уруп впадает в Кубань, вверх по его течению раскинулись когда-то богатые станицы Урупская, Бесскорбная Попутная, Отградная, Удобная, Передовая и Преградная. Когда-то гремела казачья слава. За храбрость и подвиги, за кровь казачью, отданную отечеству — даровала Екатерина Великая при кубанские земли Войску казачьему. Непокойные были земли. Казачьи сторожевые вышки на курганах в степях часто передавали дымовые тревожные сигналы. Населявшиеся станицы вели полувоенную жизнь. Казак на своем наделе за плугом ходил с ружьем, оседланный конь стоял привязанный к возу. Жаркие, пахучие кубанские степи. В горячем зное дрожит горизонт, горит ослепляя хребет Кавказа. Но что это там? Казак надвигает панаху, прикладывает ладонь. Зоркий глаз суров. Там от гор вырос дымок, ближе еще дымок. Сигнал! С соседней станицы пылит по степи сотня, сверкают шашки. Мгновение и казак в седле. Так началась боевая оседлая жизнь. Шумел Уруп. Несла мутные воды Кубань. Станицы росли. Отцветали сады. Зацветали акации. Старели вонны, подымалось молодое племя. Свободолюбивое казачество имело свою особенную историю, рожденную в Запорожской сечи. Спартакское, воспитанное лучшими полководцами, крещенное в многолетних боях с Турцией и шляхтой, выросло могучее казачье воинство. Вековые привилегии и права были даны им по заслугам. Бог благословил их на заре истории. С колыбели казак воспитывался как воин. Общество давало ему землю, отец — коня, книжал и шашку. Общество учило его наукам и военному делу, отец — возделывать землю и выращивать скот. Станица рождала в нем любовь к своей земле, к своим обрядам и песням. Молодые казачки давали счастье и сыновей.

И куда бы не занесла судьба казака, куда бы не занес его лихой конь, казак, никогда не менялся. Храбрость и благородство выделяли его, лихость и выносливость стяжали ему славу. Казачья песня тревожила сердце, казачья пляска рождала задор.

Станица, родная станица!.. Поросли твои улицы чертополохом. Пята жидо-коммуниста давит тебя. Пусть повернет Уруп назад в горы, уйдет в землю Кубань. Пусть не цветут больше сады, не взойдет на полях колос до тех пор пока не истлеет окаянное племя большевиков, пока не вернешься ты, молодой казак, с мечем в руках, с именем Господа освободить родину.

Где-то на Урупе закричала утка. Сильней потянуло прохладой с гор. Казак поднял голову. Сверчки больше не пели. Станица притихла. Только в ушах еще не умолкал возглас матери: «Гляди! Казачья кровь!» Поднявшись, он осторожно направился к дому. Каждая пядь была так

Казачка

Очи, как ночи осенние,
Жуткий, томительный взгляд,
Поступь казачья, надменная,
Щеки румянцем горят,
Косы тяжелые, черные,
Спали на девичью грудь, —
Змеи-Горынычи грозные
Фею везде стерегут.
Фея родных просторов!
Фея родных степей!
Мне не забыть твоих взоров
Черных и страстных очей!...

Петр Крюков

знакома. Закрыв глаза он мог пройти в любом направлении.

Может быть есть кто в доме? Прислушался. Еще прошел. Вот дверь. Он лег под плетень, долго лежал расширив глаза, открыв рот, ловя малейший шорох. Нет, кому нужен был пустой, ограбленный двор? А может быть его ждут, подстерегают? Надо поцеловать порог дома. Встал. Перелез плетень, смело вошел в дом. Он боялся теперь его — обесчещенный и мертвый, он был чужим. Нет у него больше родного гнезда. «Прощай» — тихо прошептал Он, и став на колени, как доску гроба поцеловал порог. Он плакал и мальчишески всхлипывая, когда лез на горницу, чтобы черкнуть спичку под стрехой.

Он пробежал много, но был спокоен. Сердце ровно стучало. Вот круча. Внизу шумела река. Когда спускался прислушиваясь к стуку выскользывающих под ногами камней — ударил колокол станичной церкви. Тревожно, одиноко ночью загудел набат.

Он переходил реку в брод, черпал ладонями воду и пил. Быстрое течение сбивало в сторону; дно под ногами, как живое, расходило и ускользало.

Прощай холодный родной Уруп. Прощай и прости казака. Пламя пожара освещало станицу, дунувший предутренний ветер донес и сюда горячую искру, как последний привет, как слезу.

Его арестовали спустя три месяца на станции Батал пашинская. Он ехал в горы, где проживал его дядя, свое временно сбежавший с семьей из станицы. Выдал станичник, казак Никанор Аулов, подлизавшийся к власти, спасая шкуру. Тем обиднее было, что это сделал казак, казак!

И на очной ставке он сказал ему:

— Ты не казак. Если встречу тебя и будет на тебе кубанка — убью. Будет на тебе казачий пояс — убью. Нося лапти и не брей головы, стриги ее под горшок, отпусти пейсы, ты жид!

Тройка ГПУ определила ему статьи 58/10 и 58/8. Но за отсутствием улик в покушении на представителя власти, ограничили десятью годами отбывания срока заключения на дальнем севере. Стоит ли описывать все страдания заключенных на советском севере.

Только вот не забудет он одного...

(Окончание в следующем номере.)

Л. Агронов